

И.А. Бунин: (ин)варианты мемуарного образа

На материале эмигрантских эготекстов (воспоминаний, дневников и писем) рассмотрена инвариантная парадигма представленного в них образа И.А. Бунина. В результате проведенного анализа сделан вывод о том, что структурно инварианты организованы на двух уровнях, основанных на различных критериях. Первый, разграничивающий экзистенциальную и художественную составляющие, объединяет инварианты «Бунин-писатель» и «Бунин-человек», при этом образ Бунина-человека строится на противопоставлении внешнего и внутреннего, публичного и частного. На втором уровне, актуализирующем эстетическую и собственно творческую составляющие, противопоставлены традиционное и современное, реализм и модернизм как критерии оценки личности Бунина. Отмечено, что в большинстве текстов Бунин ассоциируется с ушедшей в прошлое культурной и литературной традицией, в чем авторы воспоминаний усматривают его личностную и творческую трагедию. Вместе с тем никто из мемуаристов не оспаривает уникальности и неповторимости личности, творческой позиции и наследия Бунина и его роли хранителя традиции в условиях изгнания.

Ключевые слова: русская культура, литература, эмигрантская литература, традиция, мемуары, автор, (авто)образ, (авто)репрезентация, (ин)вариант, художественный, экзистенциальный, позитивный, негативный.

The paper based on a substantial number of émigré ego-texts (memoirs, diaries, and letters) deals with the invariant paradigm of I.A. Bunin's image represented in them. Relying on the undertaken analysis, the author argues that the said invariants are structurally organized on two levels based on different criteria. The first level differentiating between the existential and the artistic, presents the invariants "Bunin the man" and "Bunin the writer", the latter constructed on the juxtaposition of the public and the private, the outer and the inner selves. The second level, actualizing the aesthetic and the artistic, juxtaposes the traditional and the modern, realism and modernism as the criteria of evaluating Bunin's personality. In the majority of the texts Bunin is associated with the past and gone cultural and literary tradition, the authors of the said texts treating this fact as the cause of Bunin's personal and artistic tragedy. On the other hand, though, Bunin's personality and artistic standpoint is regarded by all the authors as incomparable and unique, as well as his role in preserving the tradition in exile.

Keywords: Russian culture, literature, émigré literature, tradition, memoirs, author, (self) image, (self) representation, (in)variant, artistic, existential, positive, negative.

Вопреки устойчивому представлению о ретушировании как о приукрашивании¹, семиотика этого термина не ограничивается традиционно ассоциируемыми с ним позитивными смыслами. В настоящей работе ретушь в приложении к мемуарным текстам и — шире — ко всей парадигме автодокументальных текстов понимается как любое изменение оригинала, «редактирование» его в соответствии с целью, которую ставит перед собой автор, и с теми творческими задачами, которые он стремится разрешить. Возможность и неизбежность подобного «редактирования» заданы самой природой текста, (вос)создающего образ действительности посредством тщательного отбора и структурирования ее примет, воспринятых мемуаристом, равно как и их оценкой. Образы каждого из представленных в воспоминаниях современников складываются в нечто вроде галереи живописных, акварельных, графических и фотографических портретов одного и того же человека, на каждом из которых оригинал предстает в различных ракурсах, с разной степенью детализированности и законченности, сочетания внешнего и внутреннего, света и тени, индивидуального и типического в зависимости от того, каким его видит и каким хочет представить автор. Взятые в целом, они образуют ряд инвариантов, отражающих все многообразие бытующего в совокупном сознании сообщества представления о той или иной личности.

Запечатленный в эмигрантской мемуаристике образ И.А. Бунина структурно представляется на удивление несложным, сводясь к сравнительно небольшому набору инвариантов на двух уровнях, основанных на различных критериях. На первом представлены разграничивающие

¹ См., например, подготовленную Н.Г. Мельниковым прекрасную антологию «Классик без ретуши: литературный мир о творчестве И.А. Бунина: критические отзывы, эссе, пародии (1890–1950-е годы)», самим названием задающую концепцию книги [1].

экзистенциальную и художественную составляющие инварианты «Бунин-человек» и «Бунин-писатель». Как известно, сам Бунин не разграничивал эти свои ипостаси, но выше всего ценил в себе призвание писателя (см. воспоминания Шаховской о том, как он «с усмешкой и гордостью» обратил ее внимание на то, что «несет на себе “стигматы” писательства: правое плечо несколько выше левого, второй и средний пальцы правой руки деформированы пером» [2. С. 218]).

На втором, эстетическом и собственно творческом, уровне традиционное противопоставляется современному, реализм — модернизму, на основании чего складываются инварианты, восходящие к восприятию Буниным того и другого, для каждого из мемуаристов определяющие его место в эмигрантской и общеевропейской литературной иерархии и большом литературном каноне. Очевидно, что внутренние границы указанной инвариантной парадигмы достаточно проницаемы, что позволяет говорить о динамичности образа при постоянстве его базовых характеристик; динамика образа при неизменности оригинала отражает специфику его восприятия мемуаристами и специфику набора используемых ими творческих стратегий для создания того или иного эстетического конструкта.

Конструируя свой вариант образа Бунина, все мемуаристы тем или иным способом декларируют стремление показать «истинного» Бунина со всеми его положительными и отрицательными качествами, ничего не скрывая и ничего не приукрашивая. Сравните, например, предваряющий собственно воспоминания пассаж в мемуарном тексте Бахраха, само название которого, «Бунин в халате», словно заявляет о том, что мемуарист не намерен «смешивать литературу с агиографией»² и классик будет изображен без ретуши: «Незачем обходить молчанием некоторые, хотя бы теневые стороны его жизни, разбавлять их розовой водицей и способствовать распространению легенд» [3. С. 9]. Руководствуясь этой установкой, Бахрах полемизирует с Кузнецовой [4], пытающейся в «милом, хоть и во многом наигранно наивном» «Грасском дневнике» «нарисовать грасскую до-военную жизнь... как некую идиллию», что умаляет «ценность книги, которой будущим биографам придется пользоваться с оглядкой на то, что Кузнецовой было несподручно писать обо всем и “наводить тень на ясный день”»³ [3. С. 22].

В противовес Кузнецовой Бахрах создает как будто подчеркнуто нелицеприятный текст, не умалчивая ни о «достоевщинке» в Грассе, ни о сложности бунинской натуры: на первый взгляд, он не щадит и не пытается обелить Бунина, во всех неприглядных деталях воссоздавая грасскую жизнь, правда не предъявляя Бунину обвинений, а стараясь объяснить причину его поступков, предоставляя слово самому Бунину в многочисленных и весьма пространных монологических пассажах, что, вероятно, должно свидетельствовать об аутентичности и, следовательно, правдивости текста. Подобной стратегии придерживается и Одоевцева [5], причем в ее тексте это полностью соответствует неоднократно повторенному утверждению автора о цепкости и надежности ее памяти, тогда как у Бахраха избранная стратегия противоречит его сожалениям о несовершенстве собственной памяти и о немногочисленности сохранившихся записей.

Берберова [6] и Шаховская включают в текст адресованные им письма Бунина, таким образом предоставляя ему слово, которое призвано удостоверить создаваемый каждой из них образ: у Шаховской — позитивный, у Берберовой — негативный. Из двадцати трех сохранившихся у нее писем Бунина 1920–1940-х гг. Берберова отбирает для включения в «Курсив» только десять⁴, призванных «подтвердить» справедливость/истинность той истории их отношений, вернее,

² Ср. сходное замечание в мемуаре Шаховской: «Человек Бунин был сложный и в какой-то мере трудный, но, конечно, по калибру своему он совсем не нуждается в слащавых “агиографических” воспоминаниях о нем» [2. С. 202].

³ Ср. мнение Шаховской, считающей «Грасский дневник» «благородным по своей скромности», хотя и признающей, что «писательские дневники чаще всего о многом умалчивают» [2. С. 209].

⁴ Полный корпус писем с вступительной статьей и подробным комментарием см.: [7. С. 8–108].

отношения Бунина к себе, свой вариант которой она предварительно излагает в предельно краткой версии, при помощи монтажа сведя ее к формуле «ирония — удивление и недоверие — доброжелательство — враждебность» и снабдив каждый этап своим комментарием, предназначенным для не слишком искушенного читателя и не столько поясняющим историю отношений, сколько затемняющим ее: «Ко мне он относился в разные годы по-разному. Сначала — с нежной иронией... потом с удивлением и некоторым недоверием, еще позже — с доброжелательством, мирно принимая то, что сначала казалось ему во мне дерзостью и неуважением к нему, и под конец жизни — откровенно враждебно за мою книгу о Блоке. Как, о Блоке? Почему не о нем?» [6. С. 296].

Однако во всех упомянутых и многих других текстах образ Бунина-человека строится на противопоставлении внешнего и внутреннего. Основой для первого является тот автообраз, который достаточно последовательно выстраивал сам Бунин: подчеркнуто маскулинный, деспотический, среди прочего основанный и на усиленно поддерживаемой им «репутации Дон-Жуана», что воспринималось либо с юмором, как некая игра, «дань вежливости» [2. С. 206], либо более чем скептически [8. С. 218, 220]. Сопоставление воспоминаний дает основание утверждать, что все мемуаристы прямо или косвенно отмечают склонность Бунина к нарциссизму⁵, если понимать последний как любовь к собственному образу⁶.

Основной для образа «внутреннего», «истинного» Бунина становится толкование мемуаристами облика Бунина «внешнего», эксплицитно или имплицитно сопровождаемое их оценками. По сути дела, все мемуаристы отмечают одни и те же черты характера и стратегии поведения Бунина: намеренную грубость («Характер у него был тяжелый, домашний деспотизм он переносил и в литературу» [6. С. 294]), агрессивную авторитарность, безапелляционность, упрямство, эгоистичность («дикарский эгоцентризм» [Там же. С. 306]), огромное честолюбие⁷, склонность к самолюбованию и к исключительно монологическому типу отношений, неумение и нежелание выстраивать диалог с окружающими⁸, резкость, раздражительность, вспыльчивость, капризность⁹, актерство [Там же. С. 292–293], любовь к крепкому словцу, но и отходчивость, умение слушать собеседника, способность к сопереживанию, удивительную зоркость, талант рассказчика, почти ушедший в прошлое личный шарм, скрывающиеся под маской типичного «бурбона» и являющие совершенно иного Бунина: «Да, колдовство взгляда, интонации, прикосновения, жеста. До чего этим шармом была богата старая Русь. <...> Это был умный, ядовитый, насмешливый собеседник, свое невежество искупавший шармом» [8. С. 212, 220].

Правда, Бунин знал цену своему шарму и успешно пользовался им. Воспоминания Шаховской о первой встрече с Буниным на его чествовании, устроенном ему брюссельским Русским клубом в 1934/35 (?) г.:

Чествования любил, но считал, что всюду надо соблюдать свое достоинство, и выражал это мастерским невниманием к присутствующим, по-актерски высокомерничая, с прекрасно дозированными мгновениями «шармантности» [2. С. 203].

⁵ См., например, пассаж в «Курсиве» Берберовой: «Только очень редко, особенно после бутылки вина, Бунин “распускался”... и речь его лилась — о себе самом, конечно, но о себе самом не мелком, зловном, ревнивном и чванном человеке, а о большом писателе, не нашедшем себе настоящего места в своем времени» [6. С. 300].

⁶ См., например, статью А. Конт-Спонвиля о нарциссизме: [9. С. 336–337].

⁷ Яновский, например, дважды воссоздает эпизод с рассказом Бунина о напоминающем оргазм состоянии, испытанном при виде своего имени в печати [8. С. 43, 218].

⁸ «А у Бунина не было чувства людей, у него в сильной степени было чувство себя самого, и при его почти дикарском эгоцентризме Бунин вовсе не умел ни брать, ни давать в личном общении» [6. С. 306].

⁹ Ср. типологически сходные воспоминания о неукоснительно соблюдавшемся Буниным «застольном ритуале»: Ш., 204–205; Б., 297–298; О., 675–676; Ян., 215–216.

Письмо Г. Горного А. Амфитеатрову от 23 октября [1934?]:

Крупнейшая душевная особь, благороднейшая *species humano*. А что сверху, в повседневности – «крахмал», то это может быть и предохранительная корочка, к которой он сам привык, так что она... с кожей у него слилась. А может быть это просто некая манера, на первых порах чуть от него отпугивающая, некий *extérieur*, вроде того как один шепелявит, другой глазом «подергивает», третий хихикает и под Суворова с прибаутками работает, а на самом деле внутри горестно-печальная, большая душа. <...> Так и Бунин. Скорлупка сверху – и слова врастяжку – и жесты чуть сердитой *ingénue dramatique* [10. С. 209].

Об актерстве и протеевской натуре Бунина, о несоответствии его внешнего облика внутреннему, о маске гордого, неуязвимого, избалованного барина, неизменно надеваемой для общения с внешним миром, пишут и Кузнецова, и Бахрах, и Одоевцева («На самом деле он был совсем не такой» [5. С. 904]), и Шаховская. Яновский вспоминает о свойственной Бунину смеси «природного изящества, такта, милосердия наряду с грубостью “недоросля из дворян”» [8. С. 224]. В большинстве мемуарных текстов эта выраженная «двуплановость», резкое противоречие натуры Бунина объясняется его неуверенностью, тяжелым опытом непризнания в начале жизненного и творческого пути, теми «глубокими язвами» [8. С. 212], которые оставил в душе Бунина предшествующий опыт, беззащитностью перед миром и страхом перед ним, в конечном пределе – слабостью Бунина. «Если вдуматься, то она (Вера Николаевна. — О. Д.) была права, Иван Алексеевич был человеком слабым, а она очень сильным, несмотря на то, что казалась бесцветной и затушеванной» [2. С. 216]; «Я думаю теперь, что грубость в словах, в поведении, грубость его интеллекта были отчасти прикрытием, камуфляжем и что он боялся мира и людей не менее остальных людей его поколения, и все его *чванство*... было его самозащитой» [6. С. 298; курсив Берберовой. — О. Д.]. Сравните монолог Бунина, «воссозданный» Одоевцевой: «Я пробовал писать о себе правду. Не удавалось. Должно быть, от душевной застенчивости. Я ведь болезненно стыдлив, целомудрен и застенчив внутренне — хотя никто и не верит» [5. С. 874]. Бахрах вспоминает разговор с Буниным о застенчивости Толстого, которую Бунин явно экстраполировал и на себя:

Многое из того, что в его поступках воспринималось как проявление arrogance, как задиристость, вызывалось именно его застенчивостью, какой-то, если хотите, робостью и стыдливостью — и да не осудит меня нелюбимый Фрейд — своего рода комплексами, в которых он, несомненно, отдавал себе отчет [3. С. 43]¹⁰.

Именно застенчивостью, проистекающей из плохого знания французского языка, Бахрах объясняет нежелание Бунина поддерживать отношения с французским литературным миром и упущенную из-за этого возможность обрести читателя на Западе.

Во всех текстах Бунин предстает как человек ушедших в прошлое страны, эпохи и культуры, как человек девятнадцатого столетия, интеллектуально и духовно беззащитный перед столетием двадцатым, беспощадный к нему, не приемлющий его и не принимаемый им, — и в этом, как представляется мемуаристам, заключается его человеческая и творческая трагедия. Парадигма представленных в воспоминаниях вариантов образа Бунина-писателя предельно широка — от гордости русской эмиграции, первого русского нобелевского лауреата и живого классика до эпигона [8. С. 214]. Позитивные оценки основаны на уникальности творческой позиции Бунина и его места в русской и эмигрантской литературе. Шаховская в некрологической статье справедливо утверждает, что и в русской дореволюционной, и в эмигрантской литературе Бунин «стоял особняком» и «создал свою, особую, бунинскую “рапсодию”» [2. С. 218]. Огромным достоинством Бунина она считает его писательскую честность и неизменную верность себе¹¹.

¹⁰ Ср. воспоминания Шаховской: «Меня как-то трогало и поражало, что такой умный человек, как Бунин, был чрезвычайно уязвим и страдал от давних и все еще не изжитых комплексов» [2. С. 207].

¹¹ «И сам он всю жизнь, по завету Гоголя, обращавшийся со словом честно, не написавший ни одной строчки в угоду людям или из-за соображений выгоды, мог сказать, умирая: “Мне кажется, я был неплохой писатель”» [2. С. 219].

Георгий Адамович в одной из посвященных Бунину глав, вошедших в «Одиночество и свободу» (1955), определяя место Бунина в отечественной традиции, называет его последним бесспорным, несомненным представителем эпохи, «которую мы называем классической», художником «пушкинско-толстовского склада», умным «в своем остром и беспощадном взгляде на мир, а вовсе не в выдумывании вопросов, “проблем”, без которых огромное большинство людей жило, живет и будет жить» [11. С. 79, 83].

Негативные оценки явлены преимущественно в текстах молодых парижан и в воспоминаниях авторов старшего поколения, по той или иной причине личного либо сугубо политического характера резко разошедшихся с Буниным (Наживин, в известной мере М. Вишняк и Б. Зайцев [12–14])¹². Неприятие творчества Бунина молодыми эмигрантскими авторами основывалось главным образом на его эстетической чуждости, казавшейся им примитивностью. По их мнению, он «прошел мимо» русского символизма [6. С. 296; 8. С. 213], «осмеянный, но самостоятельный отщепенец», «упорно» провозглашаемый «полуголым самозванцем» [8. С. 213, 312], и мимо новейшей западной литературы, мимо Пруста и Кафки [6. С. 294; 8. С. 86, 136], остановившись на Гюго и Мопассане. Однако, ругая модернистов последними («заборными») словами, он при этом «чувствовал, что что-то здесь не так, не то и что он, может быть, остался за бортом чего-то, что важнее его книг. Какой-то зверь ел его внутри», и Блок навсегда остался его «раной» [6. С. 296]. Бунину хотелось быть с молодыми, он тянулся к русскому Монпарнасу, которого ни человечески, ни эстетически не понимал и не принимал, но им он, упорно отстаивавший свою самобытность, чуждый всякой «метафизике» и не задумывающийся о «последних вопросах», был неинтересен, они не собирались ни учиться у него, ни подражать ему, весьма скептически относились к его поэзии и любили его «не за его стихи» [8. С. 136]¹³. Правда, они не могли не отдать должное его верности себе и его прирожденному вкусу: «К чести Ивана Алексеевича надо признать, что он не кривлялся, не бежал за модою, оставался почти всегда самим собой: гордым зубром, обреченным на вымирание» [Там же. С. 214]. Берберова, утверждающая, что Бунин «был совершенно земным человеком, конкретным цельным животным, способным создавать прекрасное в примитивных формах, готовых и уже существовавших до него», признает «полное отсутствие пошлости» у Бунина и то, что «никогда чувство вкуса не изменяло ему» [6. С. 295; курсив Берберовой. — О. Д.]. Место Бунина в российской литературной иерархии она определяет «между Тургеневым и Чеховым», уточняя, что представляет его себе «рожденным в году 1840-м», и «удостоверяя» свое утверждение ссылкой на его «Воспоминания»: «Слишком поздно родился я. Родись я раньше, не таковы были бы мои воспоминания» [Там же].

Оценивая нобелевскую речь Бунина, Яновский находит ее «плоской и бесцветной», а самого Бунина, не сумевшего «выпрямиться во весь рост» и «выкрикнуть что-то свое о большевиках, о войне, о подвиге эмиграции, о свободе явной и тайной», что через час услышал и повторил бы весь мир, расценивает как «локальное, русское, литературное явление», могущее удивить Европу или Америку лишь «европейским фраком и придворным книксеном» [8. С. 219].

Обращаясь к последнему, самому тяжелому в человеческом и творческом отношении, периоду жизни Бунина, большинство мемуаристов пишут о его стремлении преодолеть физическую слабость творчеством и «непоколебимостью совести» [2. С. 210, 213, 215; 5. С. 854–907], и лишь Берберова представляет эти годы в ином свете. Ночной горшок из известного эпизода в «Курсиве» [6. С. 298–299] становится метафорой распада личности, приводящего к предательству самого себя. Примечательно, что слово «распад» повторяется в соответствующем пассаже четыре раза

¹² Поскольку эти оценки основаны не на эстетическом критерии, в работе они не рассматриваются, т.к. требуют специального анализа на основании критерия политического.

¹³ Отношение молодых литераторов к его стихам было «большим местом» Бунина, о чем неизменно упоминают все мемуаристы; см., например: [2. С. 213; 5. С. 857, 867; 6. С. 293; 8. С. 136, 213].

подряд явно для усиления нужного автору эффекта, на фоне которого событие, упоминаемое Берберовой как неопровержимое свидетельство нравственного распада Бунина, должно восприниматься как его естественное логическое продолжение. Берберова «монтирует», «склеивает» два события, для «точности» указывая дату первого, будто бы определившего все дальнейшее, хотя известно, что ни Бунин, ни упоминаемый Берберовой С. Маковский в нем участия не принимали.

Я не люблю смотреть на *распад*, любопытствовать о *распаде*, любоваться *распадом*, не люблю ни смеяться над ним, ни сожалеть о нем. Я стараюсь избегать *распада*, а он для Бунина начался в тот день, 12 февраля 1945 года, когда С.К. Маковский заехал за ним, чтобы везти его к советскому послу Богомолу пить за здоровье Сталина [6. С. 299; курсив мой. — О.Д.].

Понятно, что мемуарист в своем тексте воссоздает не оригинал, а собственное впечатление от каких-то его сторон, отложившееся в памяти и воспроизведенное в слове; мемуарный образ личности представляет собой совокупность этих впечатлений — отпечатков — воспроизведенных, стремящихся к максимальной полноте, которая по определению недостижима. Учитывая это, авторы всех цитированных и многих других текстов делают соответствующие оговорки, не претендуя на абсолютное соответствие портрета «не поддающемуся измерению» оригиналу, однако стремясь воссоздать те черты его личности, которые казались им самыми значимыми¹⁴. При этом все они, каждый на свой лад, комбинируют и контаминируют события, «сжимают» или «расширяют» время и пространство, выхватывают или затемняют те или иные черты личности Бунина и особенности его творчества и, даже предоставляя ему слово, по существу, говорят за него «своим голосом». Разумеется, все они в той или иной мере опираются на уже сложившийся «бунинский» дискурс и, что не менее существенно, создают свои воспоминания с определенной оглядкой друг на друга, в результате чего складывается некий единый полемический текст, в котором образ Бунина предстает дискретно, фрагментарно, с заметным креном в позитивную или негативную сторону, не создавая адекватного представления о значимости Бунина как уникального культурного явления. Основная причина этого, как представляется, заключается в основополагающей установке текстов: мемуаристы стремятся создать тот или иной экзистенциальный (ин)вариант образа Бунина, представляя и оценивая «Бунина в жизни», а не Бунина как явление культуры¹⁵.

Пожалуй, ближе всех к пониманию Бунина подошел Адамович, в юбилейной статье к 80-летию писателя сопоставивший феномен Бунина с эпохой: по мнению Адамовича, Бунин — человек своего времени, однако ни в коей мере не «сын эпохи», не типическое ее явление, поскольку он «много более целен, чем эпоха» и «чужд ее смятению» [1. С. 462]. В написанной через три года некрологической статье Адамович с горечью утверждал, что со смертью Бунина «обрывается или во всяком случае становится еще слабее, еще призрачнее наша связь с прошлым» [15. С. 116]. Наконец, в финале цитируемого фрагмента из «Одиночества и свободы» представлено семиотически самое полное при всей своей внешней краткости определение личности Бунина и его места в русской духовной традиции: «Без Бунина в нашей литературе стало темно, пусто и даже как-то беспорядочно» [11. С. 105].

¹⁴ «Нет, я не надеюсь показать “живого Бунина”. Это вряд ли кому удастся — слишком уж он многогранен, не укладывается ни в какие рамки, не поддается измерению» [5. С. 877]; «И.А. не принадлежал к людям, у которых душа нараспашку, и вряд ли был человек, которому он до конца раскрылся. <...> ...Конечно, и мне он не исповедовался. Но говорил со мною прямо и откровенно. А так как я была внимательна, то кое-что, вероятно, все же поняла и из недосказанного» [2. С. 208].

¹⁵ Отчасти понимание этого вычитывается из воспоминаний Одоевцевой — из фрагмента, передающего ее разговор с Буниным о биографии: Бунин выражает сожаление по поводу того, что у него «нет и не будет хорошей биографии», поскольку, «чтобы правильно написать о человеке, надо не только его знать, но и быть равным ему, если не во всем, то все же во многом. Главное — по таланту и уму», а равных себе он среди современников не видит [5. С. 875].

Литература

1. Классик без ретуши: литературный мир о творчестве И.А. Бунина: критические отзывы, эссе, пародии (1890–1950-е годы): антология. М.: Книжница: Русский путь, 2010. 928 с.
2. *Шаховская З.А.* В поисках Nabokova. Otrazheniia. M.: Kniga, 1991. 319 s.
3. *Бахрах А.В.* Бунин в халате. По памяти, по записям. Нью-Йорк: Товарищество Зарубежных Писателей, 1979. 176 с.
4. *Кузнецова Г.Н.* Грасский дневник. СПб.: Издательский дом «Мир», 2009. 496 с.
5. *Одоевцева И.* Избранное: Стихотворения. На берегах Невы. На берегах Сены. М.: Согласие, 1998. 960 с.
6. *Берберова Н.Н.* Курсив мой: автобиография. М.: Согласие, 1996. 376 с.
7. И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. II. М.: Русский путь, 2010. 536 с.
8. *Яновский В.С.* Поля Елисейские: книга памяти. М.: Астрель, 2012. 479 с.
9. *Комт-Спонвиль А.* Философский словарь. М.: Этерна, 2012. 752 с.
10. Вести из провинции. Письма Сергея Горного Александру Амфитеатрову // Русская культура XX века на родине и в эмиграции. Имена. Проблемы. Факты. М.: МГУ, 2000. С. 195–224.
11. *Адамович Г.В.* Одиночество и свобода. СПб.: Алетейя, 2002. С. 77–124.
12. *Назхивин И.Ф.* Неглубокоуважаемые. Тяньцзин: Серебренников, 1935. 407 с.
13. *Вишняк М.В.* «Современные записки»: воспоминания редактора. СПб.: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. 234 с.
14. *Зайцев Б.К.* <О Буниных> // *Зайцев Б.К.* Собр. соч.: в 5 т. Т. 9. М.: Русская книга, 2000. С. 453–457.
15. И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. I. М.: Русский путь, 2004. 584 с.

References

1. Klassik bez retushi: literaturnyi mir o tvorchestve I.A. Bunina: kriticheskie otzyvy, esse, parodii (1890–1950-e gody): antologiya. Moscow: Knizhnitsa: Russkii put', 2010. 928 s.
2. *Shahovskaya Z.A.* V poiskah Nabokova. Otrazheniia. Moscow: Kniga, 1991. 319 s.
3. *Bahrah A.V.* Bunin v halate. Po pamiati, po zapisiam. New York: Tovarishhestvo Zarubezhnyh Pisatelei, 1979. 176 s.
4. *Kuznetsova G.N.* Grasskii dnevnik. St. Petersburg: Izdatel'skii dom "Mir", 2009. 496 s.
5. *Odoevtseva I.* Izbrannoe: Stihotvoreniia. Na beregah Nevy. Na beregah Seny. Moscow: Soglasie, 1998. 960 s.
6. *Berberova N.N.* Kursiv moi: avtobiografiia. Moscow: Soglasie, 1996. 376 s.
7. I.A. Bunin. Novye materialy. Vyp. II. Moscow: Russkii put', 2010. 536 s.
8. *Janovsky V.S.* Polia Eliseiskie: kniga pamiati. Moscow: Astrel', 2012. 479 s.
9. *Comte-Sponville A.* Filososfskii slovar'. Moscow: Eterna, 2012. 752 s.
10. Vesti iz provincii. Pis'ma Sergeia Gornogo Aleksandru Amfiteatrovu // Russkaia kul'tura XX veka na rodine i v emigracii. Imena. Problemy. Fakty. Moscow: MGU, 2000. S. 195–224.
11. *Adamovich G.V.* Odnochestvo i svoboda. St. Petersburg: Aleteia, 2002. S. 77–124.
12. *Nazhivin I.F.* Neglubokouvazhaemye. Tian'tszin: Serebrennikov, 1935. 407 s.
13. *Vishnyak M.V.* "Sovremennye zapiski": vospominaniia redaktora. St. Petersburg: Logos; Dusseldorf: Goluboi vsadnik, 1993. 234 s.
14. *Zaytsev B.K.* <O Buninyh> // *Zaytsev B.K.* Sobr. soch.: v 5 t. T. 9. Moscow: Russkaja kniga, 2000. S. 453–457.
15. I.A. Bunin. Novye materialy. Vyp. I. Moscow: Russkii put', 2004. 584 s.

Демидова Ольга Ростиславовна,
 доктор философских наук, профессор,
 профессор кафедры философии
 Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина;
 профессор Международной программы MARKA
 Европейский университет в г. Санкт-Петербурге

Demidova Olga R.,
 Doctor of Philosophy, Professor,
 Professor of the Philosophy Department
 Pushkin Leningrad State University;
 Professor of the MARKA International Program
 European University in St. Petersburg

e-mail: ord55@mail.ru

